

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ (КОНЕЦ XIX — 20-Е ГОДЫ XX ВВ.)

Романова Ирина Владимировна

К.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский университет
МВД России
Romvirina@yandex.ru

THE STATE AND THE LAW OF RUSSIA: THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF ADVOCACY AT THE TURN OF THE CENTURY (LATE XIX — 20S OF XX CENTURIES)

I. Romanova

Summary. On November 20, 1864, Emperor Alexander II Most highly approved the “Establishment of Judicial Institutions”, which determined the legal status of lawyers — sworn attorneys, along with which private attorneys were engaged in conducting civil and criminal cases. The organization of the Russian legal profession was based on the principles of combining law enforcement with representation in court, estate organization and disciplinary subordination to the courts; contractual determination of the amount of the fee. It can be argued that, in general, the functions and organizational and legal foundations of the activity of the bar remained unchanged until the autumn of 1917, when, as a result of revolutionary events and political instability, along with the judicial system, the institute of the Russian bar was liquidated. The article discusses the reasons for the revival and mechanisms of the activities of the College of human rights defenders, ways to identify and combat the “underground advocacy”.

Keywords: advocacy, sworn attorneys, secret advocates, underground advocacy, criminal law, domestic jurisprudence, judicial system.

Аннотация. 20 ноября 1864 г. император Александр II Высочайше утвердил «Учреждение судебных установлений», определявшее правовой статус адвокатов — присяжных поверенных, наряду с которыми ведением гражданских и уголовных дел занимались частные поверенные. Организация русской адвокатуры базировалась на принципах совмещения правозаступничества с представительством в суде, сословной организацией и дисциплинарной подчиненностью судам; договорное определение суммы гонорара. Можно утверждать, что в целом функции и организационно-правовые основы деятельности адвокатуры оставались неизменными вплоть до осени 1917 г., когда в результате революционных событий и политической нестабильности, наряду с судебной системой был ликвидирован институт российской адвокатуры. В статье рассматриваются причины возрождения и механизмы деятельности коллегии правозащитников, способы выявления и борьбы с «подпольной адвокатурой».

Ключевые слова: адвокатура, присяжные поверенные, тайные ходатаи, подпольная адвокатура, уголовное законодательство, отечественная юриспруденция, судебная система.

Втяжелый для России период крепостного права судебная система представляла собой аппарат защиты привилегий элиты правящего дворянского сословия, перед которым захудалый провинциальный дворянин был бесправен, как и перед ним самим — его десяток крепостных душ. Именитые купцы, в дореформенное время умудрявшиеся иметь по несколько уголовных дел, чувствовали себя безнаказанно и свободно, поскольку суд, вместо обвинительного заключения, «оставлял их в подозрении». Бесправное,

невежественное население с надеждой взирало на благодетелей, которых, в силу своего неравноправия и полной зависимости от оных, считало знатоками отечественной юриспруденции, способных досконально изучить имперское законодательство.

Социальный уклад дореформенной России, практически до февральской революции, был отражен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., сохранившем нормы, по которым сегодня мож-

но с полной уверенностью констатировать радение законодателя бороться с общественно-политическими нарушениями адвокатуры.

Среди многочисленных разделов Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.— этого объемного уголовного кодекса, имеется восьмой — «О преступлениях против общественного благоустройства и благочиния». Его третья глава «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» включает отделение третье — «О возбуждении к начатию или продолжению противно законных исков и тяжб, о лживых доносах, лжесвидетельстве и ложных показаниях на повальных обысках», в котором содержится интересная, в этой связи, ст. 939: «Кто из корыстных или иных зловредных видов будет побуждать какие либо лица или целые общества к начатию или продолжению явно противозаконных исков, или же сочинять ябеднические для сего просьбы или иные недозволенные бумаги, или принимать другим каким бы то ни было образом участие в делах сего рода, тот за сие подвергается: в первый раз денежному взысканию от 10 до 50 р., во второй, сверх того же денежного взыскания от 3 недель до 3 месяцев, а в третий взысканию от 50 до 200 р. и заключению в тюрьму на время от 3–6 месяцев и обязывается подписью впредь не иметь ходатайства ни по чьим делам, кроме собственных... Но, если виновный возбуждал какие либо лица, или же целые общества, к сочинению и подаче Самому Государю Императору просьб не только не дельных, но основанных на ложных, противных существующим установлениям и порядку разглашениях, или же участвовал в сочинении, написании или подаче таких просьб, то он и за первое противозаконное сего рода действие подвергается лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую... в исправительные арестантские отделения на время от одного года до двух лет» [12]. Данное извлечение показывает направление юридического вектора деятельности ходатаев по судебным и административным делам с точки зрения интересов порядка управления, в то время как истинные потребности и нужды широких масс населения отодвигались на задний план. Небезынтересно отметить, что по ст. 939 отвечали не сами тяжущиеся — в большинстве случаев люди благородного происхождения, а ходатаи, люди «подлого» звания.

С падением крепостного права и после проведения судебной реформы 1864 г., по мнению авторов¹ по-

¹ Таганцев Н.С., Неклюдов С.А., Спасович В.Д., Случевский В.К.— русские юристы, тщательно проработавшие основные уголовно-правовые понятия и добившиеся высокого уровня юридической техники, возвели российское уголовное законодательство на уровень лучших кодексов Западной Европы.

яснительной к проекту Уложения 1903 г. записки, вся ст. 939 превратилась «почти в мертвую букву». После принятия закона 1874 г. о частных поверенных, требования к ним (прежде всего образовательный ценз) были значительно ниже, чем к присяжным поверенным. Первоначально предполагалось, что частные поверенные будут работать только по гражданским делам и в мировых судах, но фактически (в связи с нехваткой присяжных поверенных) они работали на всех позициях, в том числе и по уголовным разбирательствам [1]. Закон легализовал доброкачественную часть «подпольной адвокатуры», и число лиц, правомерно способных выступать ходатаями по гражданским делам теперь становится ограниченным. Необходимые общие требования для лиц, стремившихся осуществлять адвокатскую деятельность, закон фиксирует в упорядоченной системе — для судьи, прокурора, должностей государственной службы, иные требования причислялись в разряд особых и касались исключительно присяжных поверенных. Регулируя процессуальную деятельность, законодатель юридически закрепляет возможность привлечения должностных лиц к дисциплинарной ответственности за нарушения обязанностей их звания.

Состав адвокатуры был строго регламентирован Положением о введении в действие судебных уставов [2]. При зачислении в адвокатуру советы присяжных поверенных (либо судебные ведомства в тех регионах, где советы отсутствовали) непременно обязаны были собрать сведения о претендентах на должность, касающиеся неучастия их в антиправительственных организациях и нелегальной печати. Очевидно, что нововведения способствовали исключению возможности участия присяжных поверенных в заведомо бесцельных исках и тяжбах.

Развитие банковского дела, развитие промышленности, торговли закономерно повлекло социально-экономический всплеск. Одновременно появилось огромное количество дел, связанных с финансовыми разбирательствами, земельными спорами, с несостоятельностью, множественными злоупотреблениями, дела о банкротствах, возросла волна земельных споров, что способствовало росту судебных разбирательств.

Тайные ходатаи, непосредственно в процессе не участвовавшие, но прикрывающиеся самими тяжущимися и составлявшие для них разного рода прошения и бумаги, при безнаказанности спорящих сторон за неправые иски, наказанию не подлежали. Таким образом, интересы отечественной буржуазии в смысле юридической помощи были обеспечены. Что касается крестьянского населения, да и части городского —

то для них оставалось утешение, что за неправильные иски их к уголовному суду не привлекут.

Последняя в истории России Дума время от времени должна была принимать позу радетеля о народном благе, и в 1912 г. была принята новелла, образовавшая ст. 939 со знаком «прим» (по Прод. 1913 г.). Эта поправка объявила уголовно-наказуемыми наиболее типичные проявления «подпольной адвокатуры», по существу рассматривая их, как посягательства против имущественных благ частных лиц. Согласно поправке по закону отвечали лица, не пользовавшиеся правами ведения чужих дел в судебных установлениях:

1. за подачу советов, а равно за составление бумаг по всякого рода судебным делам, из корыстных видов и с явной недобросовестностью;
2. и за занятие, в виде промысла и из корыстных видов, ведением в судебных установлениях чужих дел по приобретенным от собственника для сокрытия договора-доверенности претензиям. Санкция в первый раз — арест не свыше 3 мес. или штраф до 300 р., при рецидиве — тюрьма от 2–8 мес., с отдачей под надзор полиции на два года [8]. Несомненно, новелла имела ввиду лишь судебные дела и, по большому счету, закрепляла на их ведение монополию легальной адвокатуры.

Сложно оценить практическое значение данной новеллы. Вскоре началась Первая мировая война, затем разразилась революция, потрясая весь мир, и одновременно развенчавшая необходимость не только деятельности, но и вообще существования русской адвокатуры: и легальной, и нелегальной (подпольной).

Однако с переходом к новой экономической политике, казалось бы, упраздненный навечно институт адвокатуры, стал подавать признаки жизни. В ходе судебной реформы 1922 г., органом, осуществлявшим общее руководство судебными учреждениями — Народным комиссариатом юстиции, было выработано одновременно два проекта: о государственной прокуратуре и об адвокатуре. Разрабатывая данные законопроекты, работники Наркомюста со всей ответственностью и с большим вниманием подошли к рассмотрению специфики адвокатской практики царской России.

Изучив законодательство и проанализировав статистические данные (основанные на сведениях самих же адвокатов, осуществлявших свою деятельность еще в Российской империи, и в период Временного правительства), они довольно убедительно и логично изложили собранию результаты, убедив присутствующих в том, что о какой-либо серьезной помощи в рамках

распространения знаний о праве и законодательстве говорить не приходится, поскольку в 400 городах и населенных пунктах никаких защитников вообще не было. В качестве примера они привели только два города — Петроград и Москву — где было свыше 1000 адвокатов, два города — Киев и Варшаву — где было от 500–1000 адвокатов.

Поэтому становится понятен смысл слов представителя Наркомюста Бранденбургского Я.Н¹. по поводу законопроекта об адвокатуре: «Основная задача или, по крайней мере, одна из основных задач адвокатуры заключается не только в том, что адвокат выступает в судебном процессе и защищает во время судебного процесса. На адвокате, на защитнике, как мы его сейчас предпочитаем называть, должна лежать обязанность распространения в рабоче-крестьянском населении знания нашего права, консультации и юридическая помощь населению». На этот недостаток старой организации я обращаю внимание, потому что его нужно избежать сейчас в нашем новом «строительстве».

На III сессии ВЦИК IX созыва, 26 мая 1922 г. было утверждено Положение об адвокатуре, и, таким образом, впервые после революции была создана профессиональная адвокатура [7]. Название адвокатура (правда, только в заголовке проекта) сохранилось прежнее, но последствия революции привели к тому, что адвокатура «политически» изменила свой характер [9]. Замечание это вполне справедливо. Представители интеллигентного труда, оставшиеся в пределах России и не покинувшие родину по ряду причин, пережили и переживали немало. Весь уклад их жизни изменился, демократизировалось тем самым и их «сознание». После октября 1917 г. социальной базой для интеллигенции стал рабочий класс и трудовое крестьянство. Ввиду того, что интеллигенция продолжала жить и работать — она должна была и сознательно, и подсознательно исходить и руководствоваться интересами именно этих классов. Поэтому адвокатура создавалась в целях юридической помощи трудящимся при разрешении гражданских споров и защиты в уголовном процессе [5].

Полемика по поводу необходимости оказания широкой юридической помощи в условиях советского

¹ Яков Натанович Бранденбургский — После Октябрьской Революции работал по комиссариату продовольствия в Петрограде и Москве, а также в качестве чрезвычайного уполномоченного ВЦИК по продразверстке. В 1920–21 гг. был членом правления Центросоюза. С января 1922 г. по 1929 г. член коллегии Наркомата юстиции и член Законодательной комиссии СНК СССР. Принимал активное участие в разработке ряда законопроектов (например, он был одним из авторов Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г.).

стройка, в принципе не предполагавшего какую-то борьбу за право со стороны трудящихся, велась на V-м Всероссийском съезде деятелей юстиции весьма жаркая (март 1924 г.). Главным аргументом в пользу возрождения института адвокатуры явилось стремительное развитие советского законодательства. В законах, каким бы простым языком они не были написаны, трудящимся массам необходимо было уметь в них разбираться: какие государственные органы, центральные или местные, выполняют ту или иную функцию, дабы впоследствии понимать, в какой орган нужно обратиться за удовлетворением того или иного иска. Ввиду кипучей хозяйственной жизни и бурлящих экономических взаимоотношений внутри страны, потребность в юридической помощи становилась все более острой.

Всякий соприкасающийся на практике с вопросами советского права объективно понимал, насколько в период становления молодого советского государства сложна работа юриста, прежде всего, в силу огромного количества декретов и всякого рода ведомственного правового материала. Это обилие законодательных актов было продиктовано, конечно, не в силу академической любви советской власти к правотворчеству, а вследствие того, что только государственная власть при советском строе должна была в невиданном масштабе направлять абсолютно все стороны политической и хозяйственной жизни страны в общее русло развития социализма. Огромное число правовых норм являлись, в сущности, чисто техническими правилами поведения для государственных, профсоюзных, кооперативных органов и учреждений, охватывавших в своей совокупности почти полностью жизнь отдельного советского гражданина. Умение разобраться в советском правовом материале требовало известных знаний и навыков, и население остро нуждалось в специалистах права.

На съездах деятелей советской украинской и русской юстиции, прошедших в 1924 г. [13] преваляло лозунг о необходимости усиления работы коллегий защитников в деле оказания юридической помощи населению путем привлечения сельскохозяйственной кооперации и профсоюзов. Но в реальности привлечение кооперации — это был проект будущего, поскольку на кооперацию, по крайней мере, в ближайшее время, еще трудно было рассчитывать. А профсоюзы зарекомендовали себя с положительной стороны, и советское правительство всецело могло на них опереться. Но, если легальная юридическая помощь на первых порах и в максимально короткие сроки не могла быть организована настолько, чтобы исчерпывающе удовлетворить нужды трудящихся (в особенности в деревне), то каковым же должно быть отношение советской власти к «нелегальной» адвокатуры. Советское прави-

тельство всецело поощряло отказ адвокатов от частных кабинетов, НКЮ ратовал исключительно за коллегияльную форму адвокатской деятельности, поэтому запрет на частную практику привел к появлению «подпольных адвокатов». Очевидно, что с «подпольной адвокатурой», равно, как и со всем тем, что существует нелегально, незаконно, необходимо вести борьбу в любое время, однако признаки нелегальной адвокатуры были сформулированы весьма туманно: «консультации частными лицами или иными учреждениями, кроме профессиональных или кооперативных». Таким образом, можно предположить, что к категории «подпольных адвокатов» относили всякого гражданина, занимающегося юридической практикой, не будучи ни членом коллегии защитников, ни юрисконсультантом или уполномоченным государственных и профессиональных учреждений. Деятельность адвоката в рассматриваемый период сводилась к выступлению в суде, хождению по административным делам и, наконец, в даче советов и составлении всякого рода бумаг.

Наиболее важным, несомненно, было право гражданина участвовать в суде в качестве защитника по уголовным делам или представителя по гражданским. «В качестве защитников могут участвовать в деле члены коллегии защитников, близкие родственники обвиняемого, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, а равно Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ и других профессиональных и общественных организаций. Иные лица допускаются только с особого разрешения суда, в производстве коего находится данное дело» [11]. Если не останавливаться на уполномоченных государственных и ряда иных учреждений, или на родственном представительстве, то интересующий вопрос сводится к праву всех прочих граждан, обладающих общей дееспособностью, выступать в уголовном и гражданском суде. Закон, действительно, дееспособных граждан в правах не ограничивал.

Однако отказывая в осуществлении права выступать на суде в качестве защитника по гражданским и уголовным делам, суд не мог руководствоваться тем соображением, что гражданин не пользуется известностью, например, Александра Куприна. Также очевиден факт признания права каждого дееспособного гражданина ходатайствовать в качестве уполномоченного третьих лиц во всякого рода административных учреждениях, без необходимости получать на это особое разрешение. Зачастую для хождения по административным делам требовалось не столько знание декретов, сколько осведомленность в специальных областях промышленности, техники, сельского хозяйства и т.д.

Особое внимание вызывает еще одна форма адвокатской деятельности — консультирование, дача советов, составление бумаг. Занятие этим делом, как профессией, является столь же легальным для каждого дееспособного гражданина, на основании ст. 5 ГК, как профессия портного, сапожника — кустаря, писца на машинке на дому и т.п., и ни в каком специальном разрешении не нуждается [3]. Запрещение заниматься такой деятельностью может последовать в случае, если суд признает данное лицо социально — опасным, вследствие систематических злоупотреблений при занятии профессией. Понятно, что такой «адвокат», работающий вне рамок коллегии защитников, подлежит всякого рода налогам, и, как лицо свободной профессии при всей строгости законов, не несет тех личных обязанностей, которые предъявляются к членам коллегии защитников.

Уравнивание в правах на труд мастера-сапожника и юриста, возможно, не вполне корректно, но весьма наглядно: недобросовестный в своей работе или неумелый сапожник наносит вред исключительно своему заказчику, в то время как неопытный или недобросовестный адвокат может принести вред доверителю, третьим лицам, способен обременить суды и учреждения неосновательными ходатайствами. Поскольку сапожник кустарного производства отвечает перед своим заказчиком (например, при порче материала), и несет уголовную ответственность за ряд действий (например, в случаях растраты вверенного имущества, за мошенничество в случаях уголовно-наказуемого обмана), так и адвокат за ряд недозволенных действий может и обязан отвечать по Уголовному кодексу. И можно заранее сказать, что, так как его круг охраняемых уголовным законом интересов, с которыми адвокат сталкивается в своей профессиональной деятельности — шире, чем у сапожника — кустаря, то и общество, и государство соответственно имеют более усиленную защиту в первом случае.

Но одно, прежде всего, несомненно. Вольнопрактикующего юриста за занятие юриспруденцией нельзя привлечь за самовольное присвоение власти должностного лица [10], и не только потому, что адвокат не является носителем власти в какой бы то ни было степени. Оказание юридической помощи, в том числе даже и выступление в суде, по закону вовсе не является монополией членов коллегии защитников.

В судебной практике были случаи привлечения «подпольного адвоката», со всей развязанностью критиковавшего решения суда и поучавшего, что судья и сам нарушает законы, поэтому не может требовать от других их исполнения — сразу по статьям 73, 174 УК [4]. Однако прокурорский надзор не согласился с этим

заявлением, придя к выводу, что кассационной жалобой, поданной в суд, независимо от ее содержания, нельзя было вызвать ни общей паники, ни дискредитирования власти, ни возбудить недоверия к ней, т.е. контрреволюционная цель в данном случае ничем не была доказана.

Если в жалобе или бумаге, составленной адвокатом (легальным или нелегальным), действительно содержалось оскорбление или клевета — составитель должен был отвечать в обычном порядке. За заведомо ложные сообщения адвокат отвечал лишь в случае, когда был очевиден требуемый состав преступления, а не суждение о правильности судебного решения. Наконец, можно представить превращение юридической деятельности в средство выполнения преступного деяния (например, за распространение слухов путем массового составления прошений об отмене или понижении налогов, якобы введенных советской властью). Однако можно усомниться, что вольнопрактикующий юрист был бы способен заниматься подобной опасной практикой. Настоящие же контрреволюционеры, пользовавшиеся подобными методами борьбы, привлекались по всей строгости закона. Наконец возможно привлечение адвоката и за мошенничество, если в действиях, связанных с его профессией, усматривались признаки этого преступления: например, получение гонорара путем введения в обман доверителя, сообщив, что та или иная работа выполнена, чего в действительности не было. Заключив сделку во вред доверителю, преследуя свои корыстные цели, адвокат всецело несет уголовную ответственность за злоупотребление доверием или обман (мошенничество) (Ст. 169. УК РСФСР). Таким образом, во всех случаях (а список возможных преступных деяний не так трудно выявить), уголовное законодательство рассматриваемого периода в достаточной мере способно было защитить интересы, как государства, так и частных лиц разного статуса и положения в обществе.

Государство стремилось к установлению контроля за деятельностью коллегий адвокатов: «Коллегии защитников действуют под непосредственным надзором и руководством областных, губернских и окружных судов» [6], особое внимание уделяя проблеме бесплатной правовой помощи и консультации населению. Небезынтересным представляется факт особого отношения партийных органов в работе адвокатских коллегий к соблюдению классового принципа защиты и оказания помощи.

К концу периода НЭПа деятельность адвокатуры была существенно ограничена. «Коллективизация» этого института осуществлялась принудительными способами, зачастую с изъятием на нужды Наркомюста

финансовых средств коллегий защитников. Адвокатура все чаще прибегала к юридическому консультированию, все реже защищая интересы клиентов в судах. Это

привело к стагнации ее деятельности в виде защиты интересов социалистического государства, а не защиты гражданина «самого передового общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский А. История становления российской адвокатуры с 1864 по 1917 г. Контрреформы, попытки уничтожения независимости адвокатуры. Адвокатская газета № 23 (280) 30–15 декабря 2018 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/istoriya-stanovleniya-rossiyskoj-advokatury-s-1864-po-1917-g/>
2. Высочайше утвержденное Положение «О введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года» от 19 октября 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XI. № 42587.
3. Гражданский кодекс РСФСР от 30.09.1921 г. Глава II. «Субъекты прав (лица)». Ст. 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901808921>
4. Исаев М.М. Подпольная адвокатура. — М., 1924. — 26 с.
5. Положение о судоустройстве РСФСР. 11.11.1922 г. Раздел I. Глава I. Ст. 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13809>
6. Положение о судоустройстве РСФСР. 11.11.1922 г. Раздел I. Глава I. Ст. 11. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13809>
7. Постановление III Сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 26.05.1922 г. № 5. Положение об адвокатуре. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2590590>
8. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. — Пг., 1916. Т. 15. Ч. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; Ч. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. — 1916. — 521 с. С. 200. Интернет-ресурс: <http://elibr.shpl.ru/nodes/17827#mode/inspect/page/243/zoom/5> (дата обращения 11.07.2022 г.). Т. 15. Ч. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; Ч. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. — 1916. — 521 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <http://elibr.shpl.ru/nodes/17827#mode/inspect/page/243/zoom/5>
9. Славин И. Об организации адвокатуры. Еженедельник советской юстиции. № 2 от 08 января 1922 г. — 16 с. Редакция Москва, Моховая, 4-й дом Советов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — http://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3316/1/sovetskaya_yustitsiya_1922_2.pdf
10. Уголовный кодекс РСФСР от 1926 г./Редакция 05.03.1926 г. Опубл.: 1926. Источник: «СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — Консультант Плюс.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 05.05.1922 г. Глава III. «О составе суда, сторонах и их отводе». Ст. 53. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/8933>
13. Фрадкин А. V Всероссийский Съезд деятелей Советской юстиции. 10–15 марта 1924 г. (Основные моменты) // Право и Жизнь. — М., 1924. Книга 3–4. С. 108–115.

© Романова Ирина Владимировна (Romvirina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»